

УДК 340.15
ББК 76.3 (5)

К ВОПРОСУ О ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТАХ В КАЗАХСКОМ ХАНСТВЕ

Р. Ю. Почекаев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Рассматривается вопрос о том, в какой степени Казахское ханство можно считать наследником Золотой Орды в юридическом отношении. Анализируются основные казахские институты власти, управления, правового регулирования отдельных сфер отношений на предмет их соотношения с золотоордынскими аналогами. Выясняются причины, по которым Казахское ханство унаследовало не слишком большое количество властных и правовых институтов от Золотой Орды.

Ключевые слова: Золотая Орда, Казахское ханство, традиционное государство, верховная власть, правотворчество, преемство.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, проект «Социально-политическая организация евразийского пространства в Средние века (исторический опыт Золотой Орды и Ирана XIII–XIV вв.)» <https://rscf.ru/project/23-18-00147>, реализуемый на базе Воронежского государственного университета.

ON THE GOLDEN HORDE LEGAL INSTITUTIONS IN THE KAZAKH KHANATE

R. Yu. Pochekaev

HSE University (St. Petersburg, Russia)

Annotation: The article devoted to the problem of Kazakh Khanate's inheritance from the Golden Horde in the legal aspect. Basic Kazakh institutions of power and legal regulation are analyzed comparatively to the Golden Horde analogues. Author attempts to clarify the reasons why Kazakh Khanate inherited not so much of state and legal institutions from the Golden Horde.

Keywords: Golden Horde, Kazakh Khanate, traditional state, supreme power, legislation, succession.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2026\)3.4](https://doi.org/10.14258/ralj(2026)3.4)

Власти (в т. ч. и на самом высоком уровне [1]) и общественные круги современного Казахстана, включая значительную часть ученого сообщества, в последние годы все активнее провозглашают свое государство главным наследником Улуса Джучи — Золотой Орды. Эта идея находит как поддержку, так и возражения со стороны представителей других государств, также существующих на территории бывшей Золотой Орды. Однако нельзя не отметить, что подобного рода споры происходят в историческом, политическом или даже геополитическом аспекте, и нередко в спорах о наследии Улуса Джучи превалируют оценочные категории, а не факты.

В рамках настоящего исследования нас интересует возможность прояснить вопрос о том, в какой степени казахи могут считаться наследниками Золотой Орды в самом формальном — юридическом отношении. И, конечно же, для ответа на этот вопрос нам следует обратиться к реалиям не современного Казахстана и не Казахской ССР в составе Советского Союза, а к Казахскому ханству, которое, и в самом деле, являлось одним из государств, возникших после распада Золотой Орды. Оно существовало в XV–XVIII вв., кроме того, некоторые элементы казахской ханской государственности сохра-

нились и в более поздний период — вплоть до второй половины XIX в. Однако какие именно из них можно отнести к золотоордынской государственной и правовой традиции?

Считаем целесообразным обратить внимание, что традиционная казахская государственность и право (включая и ханский период) неоднократно становились предметом юридических исследований — в отличие от большинства многих других наследников Золотой Орды. Еще в дореволюционный период к анализу казахских политических и правовых институтов обращались такие авторы, как А. Зуев, А. В. Леонтьев, П. Е. Маковецкий [2; 3; 4] и др. (правда, в большинстве случаев — с практической целью сбора и систематизации сведений о традиционном казахском праве с целью его интеграции в имперскую правовую систему). В советское время изучением институтов традиционной казахской государственности и различных отраслей права занимались С. З. Зиманов, Т. М. Культепеев, С. А. Фукс [5; 6; 7]. Уже в постсоветский период в казахской науке изучением истории Казахского ханства с юридической точки зрения занимались, в частности, тот же С. З. Зиманов и М. А. Сарсембаев [8; 9].

Однако в большинстве своем эти исследования не дают ответа о правопреемстве Казахского ханства от Золотой Орды по двум причинам. Во-первых, практически все вышеперечисленные авторы обращались к исследованию институтов казахской государственности и права XVIII–XIX вв., т. е. уже того периода, когда Казахское ханство находилось под властью Российской империи, что существенно повлияло на статус и функционирование этих институтов. Во-вторых, большинство исследователей в качестве предмета исследования избирало традиционные казахские обычно-правовые институты, не предпринимая попыток проследить правопреемство Казахского ханства в сфере власти и права от Золотой Орды. Лишь С. А. Фукс и М. А. Сарсембаев (последний — очень кратко) затрагивали вопрос о преемственности отдельных элементов казахской государственности от Золотой Орды, не ставя целью детальный анализ количества и степени использования унаследованных институтов [7, с. 113–123; 9, с. 42].

Таким образом, в настоящей статье мы ставим цель проанализировать степень заимствования золотоордынских государственных и правовых институтов в Казахском ханстве, чтобы с формально-юридической точки зрения подтвердить или опровергнуть мнение о правопреемстве Казахстана от Улуса Джучи.

Начнем со статуса верховных правителей Казахского ханства, анализ которого, казалось бы, позволяет видеть в них наследников глав Золотой Орды. Так, на ханский трон имели право претендовать только потомки Чингис-хана по прямой мужской линии, которые в Казахской степи носили титулы султанов и все принадлежали к потомкам Джучи — старшего сына Чингисхана, номинального основателя Золотой Орды. Характерно, что ханы и султаны не входили в племена и роды казахов: как и в Золотой Орде, они стояли над родоплеменными подразделениями, составляя «Золотой род» или «белую кость» [10, с. 347]. Как и в Золотой Орде, ханы обладали компетенцией в правотворческой, административной и судебной сфере, а также нередко сами возглавляли войска [5, с. 103–105; 7, с. 310–313].

Однако хотелось бы обратить внимание, что при этом в современной казахстанской науке идут бурные споры о происхождении казахского ханского рода и, в частности, его основателя — золотоордынского Урус-хана. Одни исследователи, ссылаясь на соответствующие исторические источники, полагают, что правители Казахского ханства происходили от Орду-Ичена, старшего сына Джучи, тогда как их оппоненты, приводя другие средневековые сочинения, настаивают, что предком казахских ханов был Туга-Тимур — тринадцатый сын того же Джучи [см., напр.: 11; 12, с. 172–184].

Отметим, что в золотоордынской (как и монгольской имперской в целом) политической традиции этот вопрос вряд ли был бы актуален: в соответствии с ней все прямые потомки Чингис-хана имели равные права на трон вне зависимости от того, к какой ветви «Золотого рода» они принадлежали [13, с. 64]. События «замятни великой» — многолетней смуты, охватившей Улус Джучи в 1360–1370-е гг., во время которой за трон боролись претенденты на трон, происходившие от разных сыновей Джучи (Бату, Шибана, Тангута, Туга-Тимура), это в полной мере подтверждают. Таким образом, вопрос о том, какой сын Джучи был прямым предком казахских ханов, ставился в соответствии уже не с золотоордынской, а с чисто казахской кочевой традицией: такое старшинство имело важный ха-

рактер даже в отношениях между тремя жузами, в которых даже «самый последний род» из Старшего жуза имел приоритет перед «самым старшим родом» Среднего жуза [10, с. 350]. Да и сами казахские претенденты на трон постоянно упирали на свое старшинство в семейной иерархии [5, с. 296–298], что прямо противоречило чингизидской традиции эпохи Золотой Орды.

Обратившись к анализу центральных органов власти Казахского ханства, мы убеждаемся, что большинство административных институтов золотоордынского происхождения у казахов оказались невостребованными: в исторических источниках о Казахском ханстве не встречается упоминаний почти никаких придворных, военных и административных должностей, упоминаемых в Золотой Орде. По-видимому, это объясняется тем, что и в ордынский период территория, на которой впоследствии возникло Казахское ханство, имела гораздо менее развитую инфраструктуру и потому сохранила старинные традиции управления кочевниками, тогда как в западной части Улуса Джучи имелась развитая инфраструктура, предполагавшая функционирование многочисленного чиновного аппарата, просто-напросто не нужного в восточных кочевых регионах.

Едва ли не единственными должностными лицами, которые состояли при ханах и в «золотоордынский», и в «казахский» периоды, являлись ясаулы — своего рода чиновники для особых поручей, выполнявшие функции послов и гонцов, телохранителей и пр. [см., напр.: 14, с. 414; 15, с. 337, 298, 304, 337–338, 385–386, 421–424 и др.; 16, с. 85–86, 96]. Однако считаем нужным оговорить, что институт ясаула имел распространение не только в Золотой Орде, но и в других тюрко-монгольских государствах Средневековья и Нового времени — от Ирана до Монголии, поэтому вполне вероятно, что и в Казахском ханстве он мог быть унаследован и не от Золотой Орды.

Вместо сановников и чиновников при казахских ханах нередко состояли влиятельные родоплеменные предводители — бии, а также опытные военачальники и отважные воины — батыры [5, с. 117 и след.]. Но они представляли соответствующие роды и племена трех жузов, и функции их, безусловно, были куда более расплывчатыми, чем четко определенные права и обязанности ордынских должностных лиц.

Родоплеменная структура Казахского ханства являлась также и причиной фактического отказа от принятой в Золотой Орде десятичной системы организации войска. В источниках, содержащих сведения о боевых действиях казахов, упоминается о том, что армии казахских ханов состояли из воинов, принадлежавших к разным родовым подразделениям, но никак не существовавших в ордынский период туменов, тысяч, сотен и десятков [17, с. 84–97].

Поскольку основную территорию Казахского ханства составляли кочевые регионы, не приходится удивляться, что оно не унаследовало и традиции золотоордынского административно-территориального устройства. Родами и племенами ведали вышеупомянутые бии и батыры. В ряде случаев какой-либо из казахских Чингизидов мог быть провозглашен ханом над одной лишь частью того или иного рода, тогда как другая часть того же рода могла подчиняться его сопернику [7 с. 295–296].

Однако нельзя утверждать, что казахские ханы повелевали только кочевниками — время от времени они устанавливали контроль также и над городами (такими, как Ташкент, Сыгнак, Сауран и др.), но даже и их зачастую жаловали в удел членам своего рода или наиболее влиятельным родоплеменным предводителям (сохраняя, впрочем, в них систему местного самоуправления и суда) [18, с. 76–78]. Таким образом, и в этом отношении казахские ханы не стали правопреемниками своих предков из Золотой Орды, которые проводили существенные различия в практике управления кочевыми и оседлыми регионами.

Явным продолжением золотоордынской традиции в правотворческой сфере стало продолжение практики издания ханами ярлыков — актов единоличного волеизъявления, обладавших высшей юридической силой на территории, подконтрольной соответствующему правителю. И хотя от Казахского ханства, как и от Золотой Орды, сохранилось не так уж много ярлыков, отметим, что они более разнообразны по своим видам и целям издания, чем дошедшие до нас золотоордынские ханские указы. Среди них есть и тарханские (иммунитетные) грамоты религиозным учреждениям, и акты о назначении на должность [14, с. 313–319; 16, с. 82; 19]. По структуре и оборотам они во многом идентичны и ярлыкам золотоордынских ханов. Однако, как показывают результаты исследований по тюрко-монгольской дипломатике, типовая структура (формуляр) ярлыков ханов-Чингизидов была

распространена во всех государствах — наследниках Монгольской империи: Юань, Чагатайском улусе, монгольском Иране, Золотой Орде — и была в значительной степени унаследована их преемниками [см.: 20, с. 15–70; 21, с. 183–271].

Зато в Казахском ханстве появляются кодификации, составленные на основе обычного степного права: «Касым ханнын каска жолы» («Праведный путь хана Касыма», XVI в.), «Есім ханнын ескі жолы» («Древний путь хана Есима», XVII в.), «Жеті жаргы» Тауке-хана («Семь установлений», конец XVII — начало XVIII) в. [22, с. 99–494]. Характерно, что наряду с ханами, в правление которых соответствующие своды принимались, в их составлении участвовали и наиболее влиятельные родоплеменные предводители — бии [см., напр.: 8, с. 43–44, 163]. В Золотой Орде с ее многочисленным и разнообразным по этнической, языковой, религиозной принадлежности населением, а также по укладу жизни подобные «национальные» кодификации были не нужны. Поэтому факт их появления в Казахском ханстве отражает его более моноэтнический, «региональный» характер, и в этом отношении оно, конечно же, не могло претендовать на геополитическое «имперское» наследие Золотой Орды.

То же можно сказать и о судебной системе. В ордынский период она характеризовалась комплексностью и включала в себя различные инстанции — от суда ханов и их наместников до региональных и местных судов. При этом судьи-дзаргучи выносили решение на основе предписаний Великой Ясы Чингис-хана и ханских ярлыков, которыми они назначались на должности; судьи-кади опирались на шариат; в местах компактного проживания отдельных групп населения зачастую функционировали суды на основе их национального или религиозного, или обычного права; в степных же областях споры и незначительные преступления судили родоплеменные вожди на основе кочевых обычаев [см. подробнее: 23, с. 141–157].

В Казахском ханстве именно последний вид суда получил наибольшее распространение, войдя в историю как суд биев, причем таковыми нередко являлись не только вожди родов и племен, но и просто авторитетные и справедливые люди, сведущие в степных обычаях и выбранные самими тяжущимися [см. подробнее: 8, 24]. Стремясь подчеркнуть значение и древность традиции такого суда, исследователи, опираясь на степные предания, утверждают, что «первым бием» был некий «Майкы-бий», являвшийся, якобы, соратником Чингисхана [см., напр.: 25]. Естественно, принимая во внимание усилия основателя Монгольской империи по укреплению своей власти, в т. ч. и в судебной сфере, вызывает сомнение, что он мог официально одобрять и поддерживать суд на основе степных обычаев, против многих из которых он и боролся собственными постановлениями и вновь созданными властными институтами.

Ханский суд в Казахской степи в источниках упоминается не слишком часто и то с различными особенностями. Так, например, хан Борак, убивший в 1748 г. своего соперника хана Абулхаира, обратился к суду не своих сородичей — ханов и султанов, а к суду четырех биев [26, с. 427]. На рубеже 1810–1820-х гг. репутацию сурового, но справедливого судьи снискал хан Арингазы, который выносил решения и приговоры... на основе шариата [27, с. 361–362]. Как видим, и в процессуальной сфере золотоордынские традиции в Казахском ханстве оказались почти невостребованными.

Теперь обратимся к сфере налогов и повинностей, в которой мы точно так же в Казахском ханстве практически не встречаем институтов, имевших распространение в Золотой Орде. В связи с тем, что в Казахской степи не было ни пограничных учреждений, ни развитой торговой инфраструктуры, многие виды торговых и дорожных налогов и сборов [см. подробнее: 23, с. 112–115] оказались невостребованными. Большинство взимавшихся налогов носило натуральный характер и служило либо для содержания ханов и их приближенных, либо для военных целей. Так, в источниках упоминаются в качестве сборов в пользу ханов и султанов «согум» («скот на зарез»), «шибага» («вареное мясо») и т. п. [28, с. 185–186]. Ремесленники в случае военных действий должны были уплачивать специальные и экстраординарные сборы в виде оружия, боеприпасов, доспехов и пр. [29, с. 50–51].

Подводя итоги нашему исследованию, мы имеем основание сделать вывод о том, что определенные властные и правовые институты, имевшие место в Золотой Орде, сохранились и в Казахском ханстве, однако в гораздо меньшем количестве, чем в других ханствах — наследниках Улуса Джучи (Крымском, Казанском и др.). Это объясняется, несомненно, тем, что и в золотоордынский период будущая Казахская степь оставалась менее развитым в административном и правовом отношении ре-

гионом, населенным, к тому же, относительно близкими друг к другу родами и племенами. Поэтому в Казахском ханстве оказались более востребованными прежние, доордынские, степные правовые традиции власти и управления и правовые обычаи, нежели институты, в большей степени актуальные для оседлых регионов с разнообразным населением, для регулирования отношений которого понадобилось создание имперских управленческих структур и правовых источников [см. также: 7, с. 314].

Более того, те властные и правовые институты Казахского ханства, которые по определению считаются унаследованными от Золотой Орды (в частности, ханские ярлыки, ханский суд, те же ясаулы и пр.), вполне могли быть позаимствованы из политической и правовой традиции других государств и регионов — например, из Чагатайского улуса, во владениях которого изначально обосновались казахи Старшего жуза (Южный Казахстан), либо же от монгольских ханств, с которыми казахские правители контактировали на протяжении многих веков [см., напр.: 30].

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что вряд ли Казахское ханство, по крайней мере, в формально юридическом отношении, можно считать главным наследником Золотой Орды: другие государства, возникшие после ее распада, имели не меньше, а в ряде случаев и гораздо больше оснований претендовать на такой статус. В то время как Казахское ханство являлось в большей степени продолжателем кочевых правовых традиций, существовавших в Великой степи задолго до Золотой Орды, сохранившихся в ней и затем намного переживших ее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Фалько Е. Президент Казахстана назвал страну преемницей Золотой Орды // Газета.Ру. 15 марта 2024 г.: www.gazeta.ru (дата обращения: 14.03.2025).
2. Зуев А. Киргизский народный суд / Журнал министерства юстиции. 1907. № 12. С. 161–208.
3. Леонтьев А. Обычное право киргиз. Судостроительство и судопроизводство // Юридический вестник. 1890. Т. V. Кн. 1–2. С. 114–139.
4. Маковецкий П. Е. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Вып. I. Материальное право. Омск: Тип. Окружного штаба, 1886.
5. Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1960.
6. Культелеев Т. М. Уголовное обычное право казахов. (С момента присоединения Казахстана к России до установления Советской власти). Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1955.
7. Фукс С. Л. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. Астана: Юридическая книга, 2008.
8. Зиманов С. З. Казахский суд биев — уникальная судебная система. Алматы: Атамұра, 2008.
9. Сарсембаев М. А. Казахское ханство как суверенное государство средневековой эпохи. Астана: Ин-т законодательства Республики Казахстан, 2015.
10. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алматы: Рауан, 1992. С. 347.
11. Сабитов Ж. О происхождении Урус-хана // Молодой ученый 2015. № 12 (92). Ч. VI. С. 673–681.
12. Ускенбай К. З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII — начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань: Фэн, 2013.
13. Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2021.
14. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата: Наука, 1969.
15. Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова (Сборник документов) / Сост. В. З. Галиев, Б. Т. Жанаев. Алматы: Гылым, 1996.
16. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов / Введ., биогр., коммент., сост. и ред. И. В. Ерофеевой. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Алматы, 2014.
17. Кушкумбаев А. К. Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.

18. Пищулина К.А. Очерки истории Казахского ханства: Сб. статей / Сост. К.З Ускенбай. Алматы: Ин-т истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, 2016.
19. Султонов У. К вопросу о жалованных грамотах казахских ханов, выданных мазару Ахмада Йасави (конец XVI–XVII вв.) // Исламская духовность, рациональность и этнокультурные традиции как факторы противодействия религиозному экстремизму. Материалы международной научной конференции, посвященной празднованию 20-летия Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, 02 июня 2016 г., г. Астана / Сост. А. К. Муминов, А. Сабири, Ю. В. Шаповал, А. С. Кабылова, М. С. Бекмаганбетова. Астана, 2016. С. 90–97.
20. Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978.
21. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979.
22. Казактын ата заңдары. Древний мир права казахов. Т. IV. Алматы: Жеті жарғы, 2005.
23. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009.
24. Казактын ата заңдары. Древний мир права казахов. Т. X. Алматы: Жеті жарғы, 2009.
25. Сүлейманов М.-Х. Майкы-бий, учение «Жасау-ізі» и истоки чингизизма. История народов Турана в преданиях казахских биев. Алматы: Service Press, 2013.
26. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР, 1961.
27. Материалы по истории Казахской ССР. Т. IV (1785–1828 гг.) / Отв. ред. В. И. Лебедев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 361–362.
28. Материалы по казахскому обычному праву: Сборник / Сост. Т. М. Культелеев, М. Г. Масевич, Г. Б. Шакаев. Алматы: Жалын, 1998. С. 185–186.
29. Вяткин М. П. «Сказки» XVIII в. как источник для истории Казахстана // Проблемы источниковедения. Сб. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 50–51.
30. Кадырбаев А. Ш. Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казахами в эпоху Цин // Mongolica–XVII: Сб. статей. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. С. 30–34.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Почекаев Роман Юлианович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 194100, Санкт-Петербург, Кантемировская ул., 3А, каб. 2012, rpochekaev@hse.ru.